

неукрашенному стилю типа стилия поучений Луки Жидяты, архиепископа Ильи-Иоанна). В древнерусской литературе от XI до конца XIV в., т. е. до появления «плетения и извития словес» в славяно-русской литературе, притча была господствующим приемом художественного обобщения. К ней часто прибегали русские проповедники — неизвестные авторы похвальных «слов» Борису и Глебу, особенно «Слова о князьях», «Слова о чуде св. Климента Римского», а также Даниил Заточник и Кирилл Туровский.

Так, в «Слове о князьях» роль притчи играет рассказ о князе черниговском Давыде Святославиче, в «Слове о чуде св. Климента Римского» — легенда о пропавшем отроке у гробницы святого. В Речи Моисея притча — это сама история построения стены у церкви святого Михаила в Выдубичах, или, вернее, рассказ о впечатлении, которое произвело на Моисея и монастырскую братию построение новой стены. Во всех случаях проповедники ищут и находят в притчах сокровенный смысл, помогающий приоткрыть завесу над тайной реально происходящего. Проповедник из Десятинного клироса изъясняет притчу о Клименте так, что уподобляет новообращенных христиан (русских людей) спасенному отроку и благоволение римского мученика, пришедшего из Рима через Херсонес в Киев, распространяет на Русскую землю. Черниговский проповедник истолковывает притчу о князе Давыде Святославиче как наизидание нынешним князьям, которые враждуют между собой, забыв пример Бориса и Глеба, забыв заветы прародителей беречь единство Русской земли как зеницу ока. Так и выдубицкий игумен приравнивает в своей притче построение каменной стены у церкви св. Михаила к окончанию «работы немилосердья» и «мрака скупости» и к возвращению «золотых времен», сопровождающихся обновлением душ всех людей.

Знание притч и умение их истолковывать высоко ценилось в древней Руси. Философами обычно называли тех, кто умел исторически (для избранных) толковать Священное писание, как например Климент Смолятич.²⁶ А в Галицко-Волынской летописи так говорилось о князе Владимире Васильковиче: «Володимѣръ же бѣ разумѣя прятѣче и темно слово и повѣстивъ со епископомъ много от книгъ, зане бысть книжникъ великъ и фило[со]фъ, акого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ».²⁷ К этому же кругу книжников принадлежал и Моисей Выдубицкий.

М. С. Грушевский полагал, что Моисей подражал проповеднику из Десятинного клироса, произнесшему «Слово о чуде св. Климента Римского», так как оба проповедника используют одну и ту же притчу о двух лептах, пожертвованных в храм бедной вдовой. Однако эта притча читается в Евангелии, и, вероятно, оба проповедника независимо друг от друга обращаются к своему первоисточнику. Можно лишь сказать, что оба они продолжают линию торжественного красноречия, начатую Иларионом, так как все три проповедника (включая Илариона) говорят о Русской земле и ее князьях с гордостью и любовью, подчеркивая международный характер ее славы, богоизбранность русского народа и его властителей. Речь Моисея Выдубицкого продолжает традицию русских приветственных речей, сказанных по поводу завершения строительства каких-либо сооружений.

²⁶ В статье Е. Э. Гранстрем «Почему митрополита Климента Смолятича называли „философом“» (ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 20—28) высказывается мысль, что философом в древней Руси называли вообще образованных людей, «прошедших известную выучку, школу, или знакомых с византийской образованностью». Однако дело заключается не столько в самом образовании и наличии диплома Константинопольского университета, сколько в умении на деле показать свою образованность: исторически истолковывать Священное писание.

²⁷ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стлб. 913.